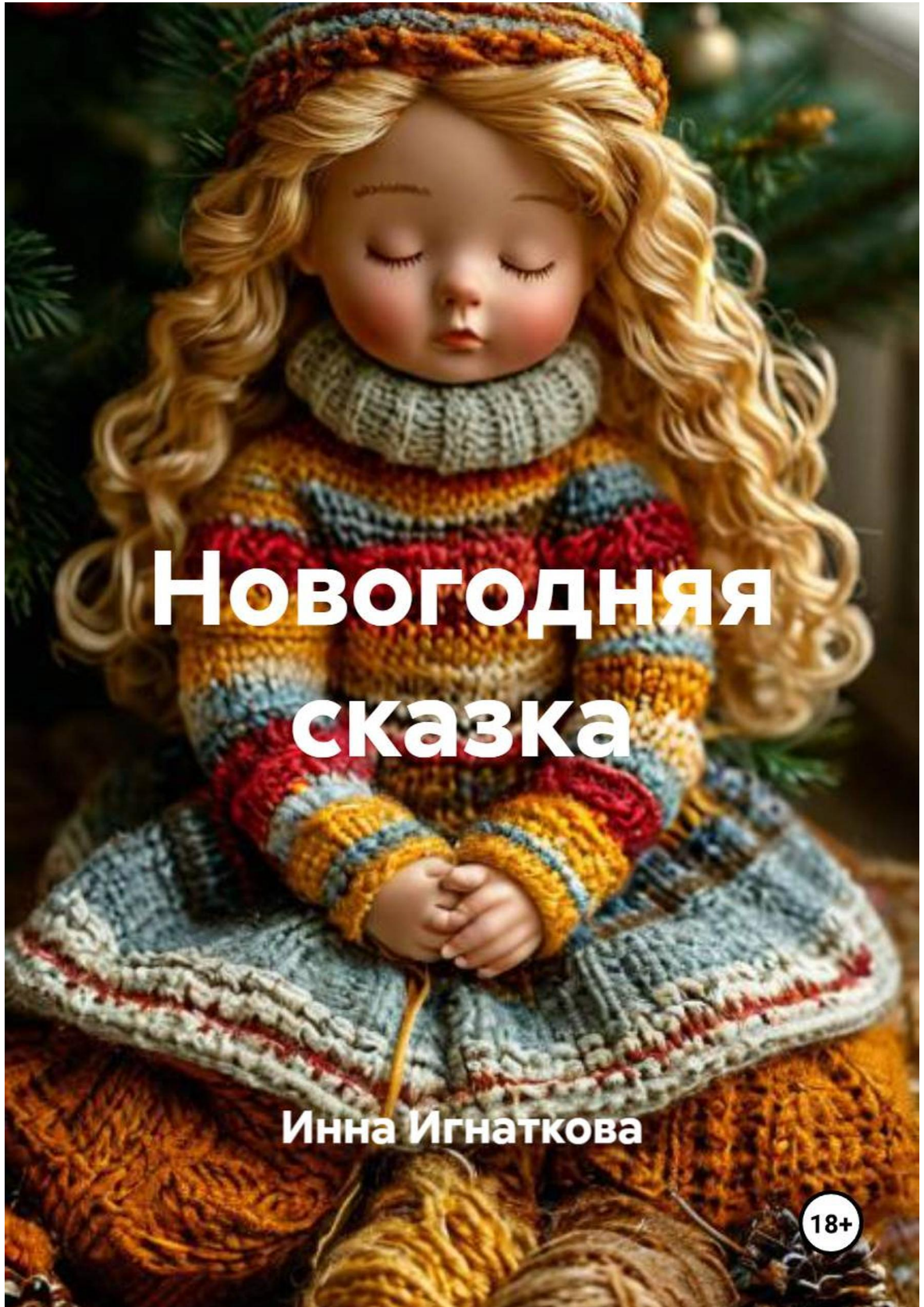

Новогодняя сказка

Инна Игнаткова

18+

Инна Игнаткова

Новогодняя сказка

«Автор»

2025

Игнаткова И.

Новогодняя сказка / И. Игнаткова — «Автор», 2025

Эта мистическая история разворачивается в призрачном пространстве между сном и явью, реальностью и кукольным миром. Тонкая грань отделяет живую душу от вечного заточения в безжизненной форме. Автор исследует темы одиночества, вины, поиска смысла и мучительной жажды освобождения от навязанных ролей и чужих сценариев. Застывший в бесконечной новогодней ночи мир становится тюрьмой для фарфоровой куклы, в чьём сознании живёт память о настоящей жизни. Изнутри неподвижного тела она наблюдает за праздничным убранством, тишиной и скрытой драмой людей — Маргариты, её сына Доминико и её нового возлюбленного Андре. Кукла общается с другими заколдованными игрушками, каждая из которых несёт свою историю страдания. Постепенно открывается, что это не просто игрушка, а символ утраченной любви и увядающей красоты. Границы между живым и неживым стираются, а прекрасная новогодняя сказка оборачивается изощрённой ловушкой для душ, жаждущих покоя, но обречённых на вечное созерцание и немое отчаяние.

© Игнаткова И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

I	5
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Новогодняя сказка

I

Время остановилось. Под размашистыми ветками гигантской елки с нависающими блестящими шарами я сидела на лаковом паркете и вязала длинный цветной чулок. Нить тянулась из огромного желто-коричневого клубка. Но, то ли клубок был настолько большим, то ли я вязала слишком медленно... Только он не уменьшался. И это продолжалось бесконечно долго. Я измучилась и уже не надеялась, что когда-нибудь наступит конец. Но я отчетливо помнила, что так было не всегда! Когда-то давно была совсем другая жизнь – настоящая и очень счастливая по сравнению с этой. Оцепенение началось однажды, когда я сама себе этого пожелала. Или просто кто-то что-то сделал неправильно.

Тишина стояла настолько глубокая, что было слышно, как в озаренной бликами новогодних шаров всех оттенков комнате степенно и отвесно опускаются пылинки, празднично мерцают грани елочных украшений и висящих на ветвях конфет в золотистых обертках. Здесь пахло хвоей и новыми вещами, и краскою подарочной бумаги. Сквозь окно, занавешенное прозрачным нежным тюлем, глядел тонкий серебряный серпик месяца, тоже похожий на елочную игрушку и столь же нереальный и недостижимый, как пробуждение от этого странного зловещего сна. И где-то там, в таинственной космической черноте, проблескивали сквозь бесконечность пространства холодные точки звезд, от которых веяло изощренными фантазиями и страшной сказкой для непослушных детей. Все было слишком блестящим и праздничным, но для меня походило на кошмар. Это и был кошмар – кукольный мир, принадлежащий чьему-то воображению. Здесь нельзя было двигаться, нельзя было говорить, нельзя было даже умереть!

Вокруг меня повсюду лежали игрушки, будто избалованный ребенок разбросал по комнате свои подарки, рассмотрев каждый и потеряв к ним интерес. И я тоже выглядела самой настоящей куклой со своими золотистыми кудряшками и глянцевым макияжем. Розовое платье с кружевными оборочками и рукавами-фонариками было так же постыло мне, как эта нескончаемая торжественная тишина. Ужас царил внутри, он не отпускал: все живое было разбито и давно осыпалось на дно полости моего фарфорового туловища. А ведь это когда-то была моя жизнь, моя душа! Как же я оказалась здесь? В таком плачевном состоянии? Сколько я здесь находилась? И что за это время произошло с той, покинутой мною жизнью – с моими родными, друзьями, со мной?.. Празднично блистающий воздух был пропитан застарелой бедой и заглушенной, притупленной временем тревогой, тяжестью утраты прежнего мира, сменившегося на пустую болванку. Это был грандиозный, чудовищный фарс! Кто сделал это с нами? Кто это был – капризное дитя или взрослый больной человек?! Кто бы он ни был, я ненавидела его всем своим полым существом и пустой сущностью своей погибшей души! Но его фантазия довлела над нами, как заклятье, которое мог снять только еще более сильный и твердый разум.

По убранству гостиной было видно, что тут хозяйка – женщина. Почему-то я почувствовала это сразу – буквально во всем угадывалась ее мягкая забота. На уютном диване лежал клетчатый плед с бахромой, в камине тлели угасающие поленья, на праздничном столе, с которого слуги унесли все грязные тарелки, осталось вино и куски лимонного пирога на блюде. Массивные канделябры с тихо догорающими свечами торчали из стен и панели старого пианино красного дерева с резными вензелями на крышке, с оставленными на попире нотами. Спицы лежали у меня на коленях, и только теперь я заметила, что это не я вязала чулок, а просто кто-то, не довязав его, бросил мне. Ясно было и то, что я здесь ничего не могу и не значу, брошенная среди прочего хлама. Что для этих людей я всего лишь фарфоровая кукла. Но почему я сижу под елкой? Может быть, меня кто-то кому-то подарил? Стеклянными серо-

голубыми широко открытыми глазами я смотрела на мир вокруг, и мне хотелось кричать и плакать, но я не могла ни пошевелиться, ни даже издать слабого звука.

Наконец что-то изменилось. Я заметила движение – это было жуткое, нескончаемое движение, еще страшнее тишины. И лучше бы его не было совсем! Расписная вереница маленьких заводных игрушек на последнем издыхании тянулась мимо меня, начиная дребезжать и звякать вместо мелодии, ворочая останавливающимися ключиками в деревянных, покрытых лаком спинах. Я не знаю, откуда они взялись. Но их завод кончился. И теперь больше всего я боялась, что это траурное шествие механической смерти застынет прямо передо мной. Так оно и вышло: наши самые сокровенные страхи, высказанные слишком громко и страстно, имеют свойство воплощаться в жизнь.

Ближайшая ко мне игрушка повалилась на бок. У нее была странная, очень необычная птичья мордочка с человеческими чертами лица и с алыми губами на кончике клюва. Эти яркие губы повергли меня в состояние немомого ужаса, до того это было невероятно, пошло и жутко! Прошло несколько минут, а может быть и часов, пока я перестала бояться смотреть на нее и разглядела, что это вроде бы птица – лебедушка или гусыня – с вырисованными перьями по бокам и на хвосте. Я мысленно спросила ее, как она сюда попала. Это был мой первый опыт общения с игрушками, и, как ни странно, птица мысленно ответила мне. Но, несмотря на то, что губами шевелить мы не могли, голоса все равно были, они звучали откуда-то изнутри, имели свой тембр и интонации – все, как у людей.

– Мы жили во дворце турецкого султана, – ответила птица. – Но за мое непослушание и блуд все были наказаны: одни – смертью, другие – изгнанием. Я долгое время терпела нужду, вынуждена была работать за гроши и просить подавание. Возжелавшая отсутствия боли и вечного покоя, я оказалась здесь бесчувственной игрушкой и обречена на вечные упреки и обвинения со стороны моих сестер, пострадавших из-за меня.

– У тебя была такая тяжелая жизнь, и ты опять мучишься? – удивилась я. – А как же легенды про рай? Про вечный покой после смерти?!

– *Рай существует только у нас в душе*, – ответила она и замолчала.

Мне показалось, даже прикрыла нарисованные навеки открытыми глаза.

Ужас снова охватил и уже привычно сжал мою грудь, пока я не вспомнила, что у меня теперь нет сердца. И от осознания этого стало вдвойне страшней. Казалось, нечеловеческий крик извергался из глубины моего разума, неизвестно в какой части тела теплящегося, панически рвался прочь и с ужасающей бесполезностью и трагизмом, никем не примеченный, терялся в вязком блестящем воздухе. Он не разносился по комнате, как все нормальные звуки, а существовал тоже только у меня в душе. Новые и новые несчастные игрушки, одна другой трагичней и ужасней, являли себя моим глазам и рассказывали свои истории. А потом движение прекращалось. Пока не возникало новое. И все они были друг на друга похожи – судьбы и лица, их нечеловеческие страдания, страдания душ, опустошенных по собственной вине ...

Зеленый волчок стоял посередине ковра в неестественном крене, в застывшем движении. Время остановилось. И то ли я ощущала его иначе, то ли до утра было еще очень далеко, но, прежде чем в таинственном и белом от снега оконном проеме забрезжил рассвет, прошла целая вечность...

II

С первыми проблесками утра и еле заметным просветлением оконного проема я отчетливо слышала голоса, доносившиеся из приоткрытой двери соседней комнаты. На этот раз то были живые люди, настоящие, не игрушечные – это я определила сразу и безошибочно.

Он говорил ей что-то о прошлом, о прощении, о детях, о солнечной стране, которую они покинули не так давно. И называл ее очень нежно: любимой Маргаритой, милой Марго. Зашелестели постели, подушки, перины, и его ласковый голос с придыханием сказал ей на ухо, как сильно он любит ее – так же сильно, как в первый раз. Она засмеялась. Веселый, искусственно приглушенный, словно чтоб никого не разбудить, смех прозвучал из-за приоткрытой двери в стене, отделяющей их от меня, промчавшись через гостиную, ударившись о противоположную стену и разносясь по всему пространству вокруг. Этот смех показался мне очень знакомым, будто я слышала его всю свою жизнь. И зависть попеременно с горечью пронзила мое измученное существо насквозь – я ведь теперь не умела смеяться...

Она, судя по звуку, перевернулась в постели, и они стали друг друга целовать. «И мне придется быть свидетельницей этого?» – с ужасом и неприятием подумала я. А я не могла уйти отсюда или хотя бы заткнуть уши! И надо же было мне, словно по насмешке судьбы, оказаться здесь в этот самый момент, именно рядом с чужой любовью, дразнящей и ранящей меня, уже на такое не способную!

...Это продолжалось бесконечно долго. Всепоглощающая ласка людей попеременно с моим отвращением к теперешнему моему положению. Ночь кончилась, мучительно тянулось утро, еще более ненавистное мне, но не окончилось ожидание и не пришло долгожданное забытие.

Вдруг по полу рядом со мной прошлепали детские босые ножки. Остановились. Кудрявый мальчик в пижамке, темноволосый и шустрый, с любопытством и тайным испугом стоял прямо напротив меня. Мелькнула мысль: разве мальчишки играют в кукол? Кто же подарил ему меня? Может быть, у него есть сестра? Тут же посетила другая мысль: что если он сейчас войдет и все увидит – увидит своих родителей!

Похоже, в этом мире сбывались все самые отвратительные мысли. Мальчик осторожно подошел к дверному проему, встревожено и как-то вожаденно дыша, будто он уже о чем-то догадывался и, быть может, когда-то уже видел это. Я почувствовала, что он испытывает интерес, любопытство, страх попеременно с непреодолимым влечением к неизвестному. Он остановился перед чуть приоткрытой дверью и впился огромными испуганными глазами во что-то, чего боялся, и что влекло его своей странностью и непостижимостью. Чем больше он смотрел, тем выше поднимались его плечи с каждым вздохом: вот-вот, казалось, он сорвется и убежит или закричит, но что-то неодолимое продолжало удерживать его на месте. Он видел свою мать – добрую, нежную, красивую женщину, прекрасную певицу, которая всегда была так добра и нежна к нему, в объятиях другого, совершенно чужого мужчины, и этот мужчина, который появился в их жизни недавно, так странно и так вольно с нею обращался! Маргарита перевернулась на бок, спавший край одеяла обнажил последние скрытые от взора сына части ее красивого белого тела – две округлые груди, чуть склонившиеся к постели. Он стоял прямо в дверном проеме, она лежала лицом к мальчику, но глаза матери были закрыты...

– Мама, что ты делаешь?! – внезапно закричал сын.

И побежал прочь.

Маргарита быстро отстранилась от мужчины и встала с постели. Ее любовник отпрянул, повинувшись властному и мягкому одновременно движению женщины.

– Доминико! Доминико! – кричала мать, надевая халат и собираясь бежать за ним.

– Ребенка надо было закрыть на ключ! – ворчал Андре, укладывая помявшиеся волосы в щеголеватую прическу и надевая белоснежную, безукоризненно выглаженную рубашку. Он вышел в гостиную. Я смотрела на него во все свои огромные стеклянные глаза, но он не видел меня. Он был весьма недоволен постигшей его неудачей и думал лишь об этом. Он яростно воображал всяческие наказания, которые позволят отучить несносного ребенка подглядывать за взрослыми! Но Доминико закрылся в своей комнате наверху. И вскоре в гостиную вернулась не слишком встревоженная Марго.

– Думаешь, он не знал об этом раньше? – успокоила она Андре, мягко обняв его за шею. И странно улыбнулась.

– Ты сумасшедшая! Ненормальная! – удивлялся Андре. – Ты считаешь, что это надо поощрять?

– Я такого не говорила, любимый.

– Тогда ты должна поговорить с ним и прекратить это раз и навсегда!

– Боже, дорогой! О чем я с ним поговорю? Ему же всего шесть лет!

– Он уже видел большее из того, что ты могла бы ему об этом рассказать! Ты должна наказать его! Чтобы впредь такого...

– Милый, позволь мне самой решать, как мне следует поступать с моим сыном! – жестко остановила она мужчину.

– Ах вот как ты со мной говоришь теперь! Поступать с твоим сыном? Значит, ты не согласна, чтобы у нас с тобой была одна семья, и твой ребенок стал моим!

– Ты слишком жесток, чтобы доверить тебе воспитание несмышленного мальчика.

– А ты слишком его распустила! – Андре вгорячах хлопнул дверью, покидая комнату. Из прихожей послышалось, как он, взяв плащ и трость, хлопнул еще одной дверью – входной.

Маргарита не стала его задерживать. Похоже было, что она вообще не расстроилась. Мало того, успокаивать сына она тоже не стала. Вместо этого кликнула горничную, позвонив в позолоченный колокольчик, и приказала подать воды для утреннего туалета. А потом вдруг передумала и пожелала принять ванну. И вдруг заметила меня.

Для меня это оказалось полной неожиданностью. Марго бросилась ко мне с таким выражением лица, будто видела впервые и была весьма удивлена – причем удивлена много больше, чем обрадована. Значит, моя догадка была правильной – меня ей подарили. Но кто? Андре? И почему я не помню магазина, в котором меня продавали, и то, как меня купили? Очень странно было наблюдать, как она несется ко мне с таким отчаянным видом, будто птаха, которая по дороге теряет последние перья...

Маргарита взяла меня в руки, при этом ноги мои под пышной юбкой платья беспомощно повисли в воздухе. Она осторожно повертела меня и осмотрела со всех сторон. Пока в ее глазах читался только немой вопрос: «Кто тебя сюда положил?» Она хотела снова кликнуть горничную, но вдруг передумала и... о ужас!.. заглянула мне под юбку! Что-то зашелестело у нее между пальцами, она перевернула меня и вслух прочла, пока я висела вверх тормашками, сверкая розовенькими кружевными панталонами: «Мы не увидимся более. Прими от меня этот прощальный подарок. Пусть эта кукла напоминает тебе о моей любви и о твоей увядающей красоте, которая всему виной! Я все еще безумно люблю тебя, но не в силах больше этого выносить. Прощай! Твой Доминико».

– Доминико... – прошептала она и тяжело закрыла глаза.

Я почувствовала, как она страдала, как горько и тяжело было ей принять эту весть. Ее руки непроизвольно и напряженно сжали меня и дрожали. Потом она опомнилась и осторожно положила меня на пол подле себя, выдернула из-под моего подола записку и порвала ее в клочья, кинув в корзину для бумаг.

– Доминико! – позвала она громко – на этот раз сына. – Доминико, спустись ко мне! Немедленно!

III

Никогда бы не подумала, что в кукольной жизни мне придется испытывать так много унижений! Почему-то я никак не могла уяснить и принять, что люди не воспринимают меня, как живую, им абсолютно все равно, во что я одета и как неловко я могу себя чувствовать. Да и чувствовать, по их мнению, я ничего не могла. Но всякий раз, когда такое происходило, я сгорала от стыда и краснела бы до кончиков волос, если б умела это делать.

Маргарита обожала шить мне платья из ткани, оставшейся после раскройки своей одежды, портьер, покрывал, скатертей. И пока она занималась шитьем, я валялась у нее на кровати или на столе совершенно раздетая, иной раз очень долгое время, пока она не дошьет того, что шила. Иногда это тянулось по нескольку дней. А за это время столь многие могли меня видеть. И видели! И брали в руки, и спрашивали про меня. А страшнее всего, что это мог наблюдать испорченный Доминико, которого я боялась больше всего. Ведь с тех пор, как я появилась в ее доме, Марго столько времени стала уделять мне и каким-то одной ей известным печальным и светлым воспоминаниям, что сын стал ее откровенно ревновать! Однажды он швырнул меня на пол, выхватив у матери, за что был со всей строгостью отчитан. Но после этого невзлюбил меня еще больше, видя во мне какое-то зло, которое и было, как ему казалось, виною всему, что происходило в их семье.

И вот тут, впервые за свою кукольную жизнь, я стала бояться чего-то более страшного, чем отсутствие платья или нескромные взгляды, чем долгое бездействие и одиночество навсегда. Я стала бояться реальной кукольной смерти. Я задумалась о том, о чем однажды начинает задумываться каждая вещь: что ее ждет после порчи или износа, и какова будет ее участь где-нибудь на городской свалке. Это напоминало человеческие мысли о смерти, но представляло собой нечто другое. Однако аналогию провести все-таки было можно. Ведь каждый человек, старея начинает вспоминать былые годы, молодость, жалеть о том, что упустил, чего не сделал, считать морщины и лишние килограммы, а вещь... Вещь в этом смысле почти неизменна, хотя тоже изнашивается, и думать она со временем начинает о том, что сейчас не так уж и плохо в сравнении с тем, что будет потом. А ведь оно, это «потом», обязательно настанет, и не каждой вещице суждено стать музейным экспонатом! Так что же ждет нас всех, когда вынесут нас вон из дому вместе с мусором? Существует ли у неодушевленных предметов духовная смерть, или придется необозримо долгое время догнивать на помойке? Что чувствуют вещи тогда? И все же в глубине души я оптимистично склонялась к тому, что содержание не может существовать без формы, поэтому, как только моя форма распадется, придет и долгожданный конец.

Вот таким невеселым мыслям я предавалась теперь большую часть своего времени. И не видел меня все это время только Андре. Но вскоре, однако, мне и с ним довелось познакомиться.

Маргарита завела мне настоящий гардероб – она отвела для него целый ящик своего массивного комода. Почему-то вещи для меня она выполняла с особой любовью и тщанием, будто очень дорожила мной, как памятью о чем-то или ком-то очень для нее дорогом. Быть наедине со мной и своими швейными работами доставляло ей наслаждение. Она в такие часы отдыхала душой и думала о чем-то своем, потаенном. Показывать меня Андре она не хотела. Но однажды он вошел без стука.

– Ты занята? – спросил он.

И решив, что занятие ее несущественно, твердо сказал:

– Я хочу с тобой поговорить!

– Я не намерена обсуждать с тобой свое поведение в этом гадюшнике, – отрезала она.

По-видимому, речь шла о вчерашнем посещении ими какого-то богатого дома, куда они были приглашены на прием.

– Ты вела себя невыносимо!

– Не хуже, чем со мной обращались сестры этого твоего господина Леонардо!

– Согласен, они язвили! Но то, что в ответ на это сделала ты!... – он задохнулся, от возмущения не подобрав подходящих слов.

– Я просто танцевала.

– Ты танцевала со всеми! Ты сорвала сомнительный успех, сумев привлечь внимание всех кавалеров на вечере, ты оскорбила даже хозяйку, пять раз перетанцевав с моим другом!

– Другом? Он уже стал таковым? Быстро же ты осваиваешься в новом обществе!

– Да, он мог бы стать нашим другом! Но после всего, что ты там вытворяла, нас больше не пригласят ни в одну приличную семью.

– Я от этого много не потеряю.

– Ты сделала это специально!

– Нет! – возразила она, покачав головой. – Они приглашали меня сами!

– Надо было отказываться, а не блистать туалетами и одаривать томными взглядами! О тебе и так ходили нелепые слухи и легенды. Я мог бы сделать из тебя ограненный алмаз, вывести в свет, а ты сама все портишь!

– Хо! Премного благодарна! Да ты помнишь вообще, по чьей милости здесь ты?! – спросила она. – Мне не нужна твоя огранка. Я сама решу, какую оправу примерить на себя! Если уж на то пошло, то этот дом мы купили на наследство моего отца. А на мне ты просто зарабатываешь деньги. И не смей говорить со мной в таком тоне! – добавила Маргарита.

– Да если бы не я и не мои связи, кто бы стал платить тебе деньги за твое вытье?! – сорвался Андре. – Кто бы продал тебе этот дом! В любом приличном месте тебя бы сразу вышвырнули вон с твоими вульгарными манерами! Да что я говорю – тебя бы еще по пути ограбили!

Марго накуксилась и уставилась в кружевную оборочку, которую как раз подшивала.

– Ты знаешь, если родился и вырос в грязи, – тихо сказала она, – не стоит лезть слишком высоко.

Андре напрягся. Камень был в его огороде. В воздухе повисла напряженная пауза, и заметно было, что он с большим трудом взял себя в руки.

– Послушай, любовь моя... Я совсем не намерен ругаться. Я просто хотел бы тебя попросить быть благоразумнее. Так будет лучше для нас двоих. Для нас троих, – поправился он, вспомнив о Доминико. – Подумай, милая, ведь не можем мы постоянно переезжать. Пора бы где-то и осесть, подумать о счастливой старости. А для этого надо сохранить добрые отношения. Я же для тебя стараюсь, черт побери!

– Довольно того, что у нас уже есть, – спокойно ответила Маргарита. – Пойми, я не смогу всегда поступать по твоей указке. И потом, похоже, такая жизнь не для меня, – призналась она. – Все эти правила, манеры, сложности... Я стараюсь, но порой для меня это становится невыносимо!

Присев на край кровати, Андре тяжело перевел дух.

– Прости, – сказал он. – Я думал, что ты привыкнешь быстрее... А это что? – спросил он, внезапно увидев меня. – Что это такое? Новая кукла? Кто тебе ее подарил? – он протянул ко мне руки и взял меня.

– А... Это так... Сестра прислала на Новый год, – соврала Маргарита.

– Почему я раньше не видел? – спросил он.

В его руках я чувствовала себя неуютно – они были крепкие и горячие и словно еще дрожали от негодования.

– Ты шьешь ей платье? – поинтересовался он.

– Да, оно уже почти готово. Дай-ка я примерю...

Марго поспешила уладить конфликт, переводя тему разговора на другой предмет – на меня. Увы, на то, что я всего лишь «предмет», я уже не возражала даже в своих мыслях.

– Нет, погоди. Позволь мне, – не отдал Андре, еще крепче сжав мое тело твердыми пальцами. – Я никогда не держал в руках кукол, – он засмеялся, что-то припоминая. – Мои сестры меня и близко не подпускали к своим игрушкам. А мать и подавно! У нее была кукла, которую ей подарил какой-то офицер еще в годы ее молодости, – он нахмурился. – Однажды отец выбросил ее в окно, но мама побежала ее искать и долго плакала, когда увидела, что кукла испорчена, – при этих словах его глаза нервно заблестели.

– Но ты же не собираешься выбрасывать мою куклу в окно? – Марго напряглась, но сделала вид, что пошутила.

Он немного смягчился. Маргарита пересела к нему на кровать, и с ее помощью Андре натянул на меня мое новое платье.

– Вот так, – проговорил он удовлетворенно. – Теперь порядок, – в тот момент Андре обращался ко мне так, как обращаются к ребенку, которому только что поменяли пеленки. – Красивая кукла, – заметил он. – А тебе не кажется... – он сделал паузу, словно что-то неожиданное пришло ему в голову.

– Что? – не выдержала Марго, обернувшись к нему.

Когда совесть нечиста, всегда есть повод для беспокойства. Она ведь знала, как может повести себя Андре, если что-либо заподозрит.

– Что эта кукла очень похожа на тебя, Маргарита?

Внезапно Марго сама заинтересовалась сказанным им.

– Не обращала внимания, – призналась она, подсев поближе и по-новому взглянув на меня, будто в первый раз. – Ты находишь?

– Не то слово! Очень похожа! – восклицал он. – Ну да! Это что-то такое... противоестественное! Ты знаешь...

Андре опять насупился, и Марго с тревогой посмотрела на его лицо, сосредоточенно склонившееся надо мной. – Как будто кто-то нарочно старался, или даже это... сделано на заказ! Гляди, у нее даже неприметная мушка над верхней губой, как у тебя!

Убитая таким открытием, Марго молча взяла меня в руки. Да, действительно, что-то есть. Как она раньше не задумывалась об этом? Кукла. Кукла Маргарита. Как символично! Доминико не мог бы сказать на прощание ничего более этого.

– А тебе не кажется, милая моя, – начал Андре, – что сестра не стала бы заниматься такой ерундой, как сотворение куклы по твоему образу и подобию, которое, вероятнее всего, успела забыть за столь долгое время, пока вы не виделись! Так кто же подарил тебе эту куклу на самом деле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.